

Глубокая осень принесла с собой ледяные ветры, что уже всю гуляли по бескрайней степи Ула.

Внутри белоснежной юрты, у самого ложа, на коленях стоял юноша. Его глаза покраснели от слез, а голос дрожал от отчаянных мольб:

— Господин, Сухэ умоляет вас! Если вы и дальше будете так упрямы, вы действительно... действительно...

— Что со мной будет? Лишь смерть, не более... — Линь Чжаочжао не успел договорить: горло сдавило в мучительном приступе кашля.

— Господин! — Юноша в ужасе вскочил на ноги и, схватив заранее приготовленный платок, откинул бисерную занавеску.

На кушетке, полулежа, покоился мужчина тонкого, болезненного телосложения. На нем была белоснежная рубаха с распахнутым воротом и парчовая юбка, расшитая золотыми нитями. На шее поблескивала яшмовая подвеска в форме цветка сливы, а в руках он сжимал расписную эмалевую грелку. Он судорожно сгибался в кашле, подобно хрупкой ветке, что стонет под порывами бури и вот-вот переломится надвое.

— Кровь... опять кровь! — Сухэ, увидев алое пятно на платке, окончательно потерял голову от страха. — Господин, я сейчас же позову вождя!

— Не... не смей...

Линь Чжаочжао нахмурился, чувствуя во рту соленый привкус ржавчины. Он не желал, чтобы этот дикарь видел его в столь жалком и изнуренном состоянии.

— Чжаочжао, — раздался за дверью низкий, хриплый голос, полный тревоги.

— Не входи! — Линь Чжаочжао зажал рот рукой, подавляя тошноту, а другой с силой отшвырнул грелку на пол.

Тяжелые шаги снаружи тут же стихли. Сквозь плотную завесу Чжаочжао видел застывший силуэт высокого, статного мужчины. Тот замер, словно дикий зверь в клетке: всем сердцем желая ворваться внутрь, он не смел сделать и шага, скованный резким запретом.

— Тебе больно? Как ты себя чувствуешь? — Голос мужчины звучал неловко; он говорил на языке Великой Ся, который так и не стал для него родным.

— Тебе-то что за дело? — Линь Чжаочжао откинулся на подушки, стараясь выровнять дыхание и сглатывая подступившую к горлу кровь.

— Позволь мне войти, взглянуть на тебя, — снова заговорил мужчина. — Или дождемся Великого шамана...

— Я не хочу никого видеть, — выдохнул Чжаочжао, чувствуя, как тяжелеет в груди. — Проваливайте все... И ты... ты тоже убирайся!

Слова оборвались новым приступом кашля, столь яростным, будто он пытался выплюнуть собственные внутренности. Мужчина резким движением вошел в юрту и замер, увидев пугающие следы крови у постели.

— Почему шаман еще не здесь?! — Он уже развернулся, чтобы выйти, но Линь Чжаочжао из последних сил ухватил его за рукав.

— Стой. Мне нужно кое-что сказать, — Чжаочжао вытер губы. — Зажги лампу.

Мужчина на мгновение замер, но безмолвно повинился. Глядя на его широкую, могучую спину, Линь Чжаочжао невольно задавался вопросом: почему этот прославленный герой степей готов прислуживать ему, словно последний раб?

В юрте стало светлее. Линь Чжаочжао с трудом сел. Возможно, то был предсмертный всполох жизни, но на его мертвенно-бледном лице вдруг проступил румянец.

— Тебе нужно отдыхать, — в голосе мужчины слышалась почти мольба. — Поговорим позже.

— Если не сейчас, боюсь, случая больше не представится.

Линь Чжаочжао был холоден и тверд. Крепко сжав пальцами одеяло, он продолжал:

— В этой жизни я исполнил свой долг, был преданным сыном и не опорочил имя «Чжаочжао», данное мне матерью. Пусть я не стяжал славы на поприще наук, но я спас свою семью. Десять лет я прожил в этой глуши, отданный в жены дикарям, будучи мужчиной... Но после смерти я не желаю оставаться в этой степи. Сухэ — единственный близкий мне человек, он последовал за мной и разделил мою участь. Когда я умру, сожги мое тело, а прах отдай ему, чтобы он отвез его обратно, в Великую Ся...

Это было завещание. Чувствуя близость конца, он отбросил все опасения и говорил прямо, не заботясь о том, слушают его или нет.

— Довольно. Ты не умрешь, — мужчина словно пытался сдержать бурю внутри. — Не говори так.

— Всё в этом мире непостоянно, жизнь всегда сменяется смертью. Мы все когда-нибудь уйдем, к чему эти споры? — Чжаочжао оставался безучастен.

— Ты не умрешь! — В голосе вождя внезапно прорезалась ярость.

Линь Чжаочжао холодно усмехнулся:

— Что? Кем ты себя возомнил? Владыкой преисподней, что решает, кому жить, а кому

умирать?

— Ты — мой человек. И я буду решать! — отрезал мужчина.

— Твой?! — Чжаочжао вспыхнул, точно рассерженный тигренок. — Сюйлегеэр, ты, дикарь, хоть каплю совести имеешь? При жизни ты запер меня в этой глуши, так неужели и после смерти хочешь помыкать мною?! Чего ты добиваешься? Я, мужчина во цвете лет, был вынужден склониться перед тобой... Скажи, сколько еще унижений тебе нужно, чтобы насытить свою гордыню?! Говори!

— Я... я никогда не хотел тебя унижить, — мужчина опешил, не ожидая такой бурной реакции.
— Я лишь...

— Замолчи! — со слезами на глазах выкрикнул Чжаочжао.

Теперь оправдания были излишни. Все стало слишком поздно. Неужели этот человек забыл их первую брачную ночь? Забыл, как ворвался в юрту, как пригвоздил его к постели, не обращая внимания на крики и мольбы о пощаде? А на следующее утро, бросив холодное «я не хотел этого», исчез на долгие дни, больше ни разу не прикоснувшись к нему? Если это не унижение, то что тогда?

Обида захлестнула Чжаочжао. Он хотел схватить мужчину за грудки, вытрясти из него правду — кем же он был для него всё это время? Но как только он поднял руку, силы оставили его. Он соскользнул с мехового ложа на пол.

— Чжаочжао! — Мужчина бросился к нему, крепко сжимая в объятиях.

— Больно... отпусти меня... я хочу домой... в столицу...

Линь Чжаочжао сжался в комок, дыхание его почти замерло. Он не видел, как темная кровь, годами копившаяся в легких, медленно потекла из его рта, носа и ушей.

— Хорошо, скоро... я отвезу тебя в Яньцзин, — голос мужчины дрожал, когда он коснулся ледяной руки Чжаочжао. — В Яньцзине боль уйдет.

Сознание угасало. Линь Чжаочжао чувствовал, как мужчина берет его на руки и садится на коня. «Глупый дикарь, — подумалось ему. — Я ведь умираю, к чему эти мучения? Какой прок теперь от столицы? И уж точно вождю народа Сюэди нет пути в сердце Великой Ся».

— Чжаочжао, Чжаочжао...

Возможно, перед смертью чувства обостряются — слыша, как мужчина без конца повторяет его имя, Чжаочжао ощутил горькую тоску. На словах он ненавидел Сюйлегеэра, считал, что тот растоптал его гордость и сгубил жизнь. Но где-то в глубине души он знал: за все эти годы он привязался к нему. Просто он привык винить во всех бедах небо, а Сюйлегеэр был

единственным, кто безропотно сносил его капризы. И Линь Чжаочжао выплескивал всё свое недовольство на этого молчаливого воина.

Если судить по совести, Сюйлегеэр был единственным, кто по-настоящему заботился о нем. Они могли бы быть счастливы. Но Чжаочжао был слишком гордым и упрямым — куском холодного камня, который так и не смог выдавить из себя ни одного искреннего слова до самого последнего вздоха. Если бы он только знал...

— Если бы я знал, что ты возненавидишь меня так сильно, что даже жизнь станет тебе не мила... я бы не стал неволить тебя... — Тяжелое дыхание мужчины прерывалось. — Я отправлю тебя назад, в Ся... Только не умирай, Чжаочжао... прошу, не умирай...

Сердце Чжаочжао дрогнуло. Он хотел сказать что-то утешительное. Но дух покинул тело, так и не почувствовав, как горячие пальцы в последний раз коснулись его остывающей щеки.

Видно, сожаления его были слишком сильны: после смерти душа Линь Чжаочжао еще долго следовала за Сюйлегеэром. Как и обещал, вождь лично доставил его прах в империю Ся. Но когда он отыскал родовое поместье Линь, оказалось, что оно давно опустело.

Сюйлегеэр выкупил этот заброшенный дом и похоронил Чжаочжао там. Линь Чжаочжао не верил своим глазам: могущественный вождь, перед которым трепетала степь, бросил всё, чтобы три года носить траур по правилам Ся, не отходя от могильной плиты.

Перед тем как окончательно раствориться в небытии, Чжаочжао в последний раз взглянул на Сюйлегеэра. Мужчина изменился до неузнаваемости. Герой, некогда летевший на коне быстрее ветра, превратился в заросшего, изможденного тенью человека.

— Я был неправ. Знаю, ты не хотел меня видеть, но позволь мне побыть с тобой еще три года, — шептал Сюйлегеэр, поглаживая иероглифы на камне. — Шаман говорил, что круг перерождения длится шестьдесят лет. Я постараюсь прожить подольше. Спи спокойно. Я молил богов, чтобы в следующей жизни ты никогда меня не встретил.

«Нет, это я был неправ», — безмолвно кричал Чжаочжао, не в силах пролить слезы. Он бесконечно жалел о тех ранящих словах, что бросил перед смертью. О том, как сильно хотел теперь сказать, что вовсе не ненавидит его.

В попытке обнять холодный надгробный камень, мужчина опустился на колени, склонив некогда гордую спину. Глядя на его коленопреклоненную фигуру, Линь Чжаочжао вдруг вспомнил их свадьбу в степной ставке — тот миг, когда они совершали земной поклон небу и земле.

— Чжаочжао, умоляю тебя! Жизнь всего нашего дома висит на волоске, и только от твоего слова зависит, доживем ли мы до завтра!

Голос, полный слезливой мольбы, заставил Линь Чжаочжао резко открыть глаза. Прямо перед собой он увидел сморщенное, полное скорби лицо отца.

— Молодой господин, что с вами? — Сухэ, заметив отрешенный взгляд хозяина, набрался смелости и крикнул собравшимся: — Перестаньте давить на него! Где это видано, чтобы мужчину отправляли на почетное замужество ради мира?!

— Но у нас нет иного выхода! Если бы Чучу не сбежала, разве стали бы мы с господином так унижаться перед ним? — подала голос женщина, стоявшая подле главы дома Линь.

— Вы думаете только о себе! — не унимался Сухэ. — Переодеть мужчину женщиной и отправить во дворец — так вы спасаете поместье, но подумали ли вы, что станет с моим господином, когда обман раскроется?!

— Замолчи, негодяй! Тебя никто не спрашивал! Если твой хозяин откажется, тебе тоже не жить!

Линь Чжаочжао пошевелил затекшей рукой. Крики и споры вокруг казались ему обрывками странного сна. Неужели небеса сжалились над ним? Он вернулся в прошлое. В тот самый день, когда его заставляли занять место Линь Чучу в посольстве к народу Сюэди.

— Чжао, неужели ты позволишь роду Линь погибнуть? — Мужчины и женщины зашлись в плаче.

Глядя на этот балаган, Линь Чжаочжао устало прикрыл веки. Ему хотелось лишь одного — выгнать их всех и тишины.

— Я всё понял. Уже поздно, а завтра предстоит долгий путь. Мне нужно отдохнуть. Отец, матушка — прошу вас, уходите.

— Чжаочжао, это значит... — лицо госпожи Линь мгновенно просветлело.

— Не беспокойтесь, — вздохнул Чжаочжао. — Я поеду вместо сестры.

<http://bllate.org/book/13696/1441210>